

пятница, 23 октября 2009 года, 09.28

Сергей Хоружий: «Размыкание себя»

Изобретатель новой философской дисциплины — о постчеловеке и новой антропологии

Что предлагается взамен привычных базовых понятий? Переводчик «Улисса» и исследователь исихазма ругает технарский подход к осмыслению мира, использует естественнонаучные метафоры и объясняет суть синергической антропологии.

Сергей Хоружий — один из самых своеобразных мыслителей нашего времени. Физик-теоретик по образованию и математик по роду основных занятий, он, не оставляя этих наук, стал философом, антропологом и богословом, исследователем православного аскетизма, автором многочисленных книг, среди которых «Диптих безмолвия. Аскетическое учение о человеке в богословском и философском освещении» (1991), «После перерыва. Пути русской философии» (1994), «К феноменологии аскезы» (1998), «Миросозерцание Флоренского» (1999), «Опыты из русской духовной традиции» (2005). Он известен как создатель новой философской дисциплины — синергической антропологии.

Область его профессиональных интересов простирается от математики до художественного перевода — джойсовский «Улисс», переведённый им вместе с Виктором Хинкисом, стал в своём роде хрестоматийным фактом русской культуры. Сейчас он директор Института синергической антропологии и научный руководитель Центра синергической антропологии ГУ-ВШЭ, который создал в 2005 году на основе лаборатории с тем же названием, работавшей в составе Института человека РАН.

Хоружий создал не просто философскую дисциплину (что само по себе редкость) и новый взгляд на человека (что редкость ничуть не меньшая), но и собственную уникальную культурную нишу, тему интеллектуальной работы, которую развивает уже второе десятилетие.

— Созданную вами дисциплину вызвало к жизни осознание того, что человек — чего классическая антропология не замечала — не константа, он меняется. Вы говорили, что в результате постмодернистской деконструкции классической модели человек оказался незнакомцем перед самим собой. Синергичной антропологии есть чем ответить на этот вызов?

— Эта наука, сразу скажу, отнюдь не формировалась в логике «ответа на вызов», она рождалась другими заданиями.

— Но, во всяком случае, есть же проблема: если старая модель не работает, значит надо предложить что-то взамен...

— Освоение реальности путём построения моделей — это не логика гуманитарного сознания.

— Что же, это ложная установка? Разговор о познании мира в терминах моделирования, освоения — тупиковый путь?

— Это установка технарская. В гуманитарной сфере она вульгарна. У неё есть своя законная сфера существования, где она потому и бытует устойчиво, что оказывается даже слишком эффективной.

Отсюда головокружение от успехов: этот моделирующий разум, видя, как он эффективен, имел тенденцию экспансии на всё поле реальности вообще. А гуманитарный разум оказался в защитной позиции.

Он понимал, что распространение всеильного моделирующего подхода на его область неправомерно, здесь эта эффективность должна отказывать. Но внятного ответа на эту экспансию он представить не смог. История гуманитарного познания, в отличие от естественнонаучного, выглядит в нашем веке совсем не триумфально.

— Кстати, почему?

— У них разная логика развития. Шаг в науке делается по закону отталкивания от предшественников; в искусстве — по закону их почитания, желания хотя бы отчасти достичь того совершенства творений, которого они достигали. Пресловутая парадигма поступательного прогресса не имеет отношения к философии и искусству.

Но экспансия технарского разума приняла необоримый масштаб. Гуманитарное сознание имело свои резервации, где развивалось по собственным парадигмам и стратегиям. Но и они — даже не под напором технарского разума, а по своим внутренним причинам — увлекали к кризису. Установка перманентной критики себя в постмодернизме приняла явно гипертрофированную форму.

Внешний фактор давления победоносного естественнонаучного разума всюду маячил на горизонте, хотя в разной мере. Отчасти это присуще американской интеллектуальной ситуации, отчасти — советской.

В классической европейской культуре — меньше: там собственная ценность гуманитарной сферы, в общем, не ставилась под сомнение. А в Америке и России гуманитарное сознание явно вытеснялось с общественной сцены.

Но были и внутренние причины, по которым оно развивалось отнюдь не триумфально, а в последние два-три десятилетия вообще оказалось близко к состоянию самоуничтожения.

На личное же моё развитие наложились российские обстоятельства. В Советской России в условиях тоталитарного режима кругозор был искусственно ограничен — выход в широкую проблематику, которая в 60—70-е годы занимала европейский и мировой разум, в наших условиях был очень затруднён. Видеть вещи в такой перспективе для нас было почти невозможно, тем более в моей ситуации — человека, выбравшего естественнонаучную профессию. Я физик-теоретик по образованию, закончил физфак МГУ и всю жизнь проработал в Математическом институте Академии наук.

— Вы сейчас ругали технарскую установку по отношению к миру. Но в вас явно есть «внутренний естественник», естественнонаучное образование помогло задать вам естественнонаучную оптику. Как она внутри вас размещается?

— Я потому и позволяю себе решительные выражения в адрес технарского разума, что знаю его не извне. Я им владею, как всякий физик, вижу, где что работает, и знаю: применительно к такому предмету, как человек, его проявления, должны работать совсем иные модусы мышления.

— То есть тут естественнонаучная подготовка помогает?

— Любая широта помогает. В Институте философии работает по соседству со мной Владимир Иванович Аршинов. Он виднейший специалист по синергетике, тоже физик по исходному образованию, и мы с ним стабильно сотрудничаем: он регулярно делает доклады в моём семинаре по синергичной антропологии, рассказывая, как развивается синергетика.

Здесь отношения вполне предметные. Я не раз писал, что у синергетических парадигм есть существенная общность с антропологическими. Но опять же всегда надо представлять сферу применимости каждого круга понятий. Любое понятие должно быть снабжено рефлексией своих границ.

Я много занимался изучением исихастской **(1)** практики и реконструировал процессы в ней довольно детально. Это позволяет точно указать, в каких областях практики синергетические понятия отвечают характеру процессов и где они быть применимыми перестают.

Существо того, что предлагает синергичная антропология, более ясно очерчивается через то, чем она не является. Друзья-философы иногда мне говорят, что в этих размежеваниях я несколько огрубляю классическую философию и классическую антропологию, от которых мы сегодня уходим. Но ради отчётливости это бывает полезно.

Так вот, в огрублённой характеристике созданием этой философии и антропологии была классическая европейская модель человека, стоящая на трёх фундаментальных концептах: сущность, субстанция и субъект. Главные её создатели и творцы — Аристотель, Декарт и Кант. Современная ситуация отличается тем, что все эти три фундаментальных концепта оказалось необходимо убрать со сцены.

— Вы говорите: эта модель перестала действовать. Но когда-то же она действовала, соответствовала антропологической реальности? Или она всегда была неадекватна?

— Разумеется, её долгое время признавали верной, отвечающей реальному человеку. Современное же её разрушение двигалось как развитием мысли, так и изменениями в человеке. Даже трудно сказать, что было более существенным, оба фактора были мощными и действовали одновременно. Перемены в антропологической реальности выявились особенно в опыте мировых войн, тоталитаризма, новейших экстремальных практик. Этот опыт показывал: человек обнаруживает свойства, противоречащие тому, что о нём говорит классическая антропология.

— Что же, катастрофы прежних веков не выявляли этих уязвимостей в классической модели? Ведь презрительно было и войн, и других бедствий.

— Да, но те события можно было интерпретировать и в ином ключе. Кант — довольно поздний автор, это уже грань XIX века, и тем не менее именно его редакция классической антропологии — самая безоблачно-оптимистическая из всех. Даже не в плане надежд: она законодательно оптимистическая, она выдвигает категорические тезисы, в которых этот оптимизм оформлен и закреплён.

Кант утверждает: человеку по самой его природе предопределено стремиться к высшему благу. Кант был не страус, прячущий голову в песок; он писал тексты и по практической антропологии, и по политической философии, то есть учитывал всю наличную реальность своего времени — и нашёл эту реальность вполне укладывающейся в его оптимистическую картину.

Однако же после Второй мировой войны пришлось решить, что реальный облик человека не только не укладывается в такую картину, а, скорее, просто не имеет с нею ничего общего.

— Хорошо, мы уходим от сущности, субстанции и субъекта как базовых понятий — что предлагается взамен?

— Была замечена некоторая область антропологических событий, которая никогда и не понималась на классической базе, где человек себя по Канту не рассматривал и в этих парадигмах не действовал.

Здесь выражен был другой образ человека, и он представлял собой готовую неклассическую антропологию, только не сформулированную на языке европейской философской мысли. Таким неклассическим островом антропологической реальности служили, как в том легко убедиться, духовные практики.

Они куда более известны в своих дальневосточных вариантах. Но язык дальневосточного сознания в своих способах выражения так радикально отличается от европейского, что конструктивное и обоюдное сопоставление провести крайне трудно. Его почти и не проводилось — улавливали, что «там всё другое» и толковать это в европейских понятиях лучше не пытаться.

Но ведь некоторого антропологического урока там не может не быть, там человек углублённо и эффективно с собою работает, и эта работа

заведомо значима для универсальных представлений о человеке. Поэтому поставить задачу их антропологического осмысления необходимо.

Прежде всего я заметил, что к тому же классу явлений принадлежит и исихастская практика. Она развивалась совсем не на Дальнем Востоке, а в восточном христианстве и выражала себя никак не в реалиях дальневосточного сознания. Да, её язык очень далёк от западного философского дискурса, однако не настолько. Это уже на полпути к тому, как привыкло себя выражать европейское сознание.

Ещё более существенно и даёт основу общности то, что эта практика выражает христианское мировоззрение. Шансы извлечь внятные для европейского научного сознания антропологические уроки здесь с самого начала велики и серьёзны. Я постарался реализовать эти шансы.

Надо было найти язык описания, чтобы достичь концептуализации этой сферы опыта. Опыт, однако, высокоспецифичен: это мистический и аскетический опыт, вторгаться в него технарским путём нельзя.

Чтобы понять опыт духовных практик, я должен прежде всего с максимальным вниманием обратиться к тому языку, тем способам понимания, которые сами эти практики развили для себя, для своего внутреннего употребления.

Это обращало меня к истории аскетики, к истории богословия. Лишь на этом пути мог возникнуть новый язык, с помощью которого можно извлечь антропологический урок, нужный для нашего «здесь и теперь» — уже не для духовных практик, а для сегодняшнего человека, который про духовные практики мог и не слышать.

— Каков всё же образ человека глазами синергичной антропологии? В ваших текстах мне встречался образ точки, из которой пучком, лучами в разные стороны торчат энергии.

— Да, такой образ близок и к непосредственному ощущению, и к способам выражения самой практики, к внутреннему языку её традиции.

В аскетике базовое понятие — «помыслы». Сознание видится как подвижная стихия, где помыслы непрестанно зарождаются или куда они постоянно приходят как бы извне: сознание — не замкнутая в себе стихия, а принципиально открытая, и то, что в нём делается, питается приходящим. Это приходящее носит характер самых разнородных и разнонаправленных помыслов, они же энергии, — в православии напрямик употребляется термин «энергия».

— Вы говорили и о том, что у человека, строго говоря, нет сущности. Но что же тогда точка, из которой все эти энергии исходят (или куда они сходятся), что их держит все вместе, если не сущность?

— Есть ли это единство энергий — большой вопрос. Есть лишь некоторая их совокупность...

— Но она же устойчива, что-то держит сознание вместе?

— Вовсе нет, она постоянно меняется.

— И тем не менее мы можем говорить о границах человеческого?

— Мы говорим лишь об энергичной конфигурации. А насколько она

представляет единство и что это за единство — отдельный вопрос. У неё разные характеристики, одни устойчивы более, другие менее, но абсолютно неизменного — вообще говоря, ничего.

— Но если речь идёт о «границе человеческого», значит надо представлять себе, что ею ограничивается. Вот здесь ещё человеческое, здесь уже не совсем, а там уже вовсе нет...

— Важны понятия *внутреннего* и *внешнего*. По отношению к понятию *сознания*, которое остаётся рабочим термином, они исходно существуют. Есть восприятие, существование которого мы тоже не подвергаем сомнению. И этого жёсткого минимума различений уже достаточно, чтобы выстроить разумный концептуальный каркас.

Если есть реальность сознания и перцепций и тем самым положено различие «внутреннего» и «внешнего», мы можем отсюда прийти к концептуализации границы. Если есть «внутреннее» и «внешнее», значит можно ввести и понятие *горизонта сознания*: это весь диапазон «внутреннего». Так постепенно создаётся фонд универсальных, но уже неклассических антропологических понятий.

К границе я отношу предельные практики, или проявления: те, опыт которых говорит человеку, что горизонт внутреннего здесь заканчивается.

В первую очередь это отсылает к опыту духовных практик, когда человек методично изменяет себя, продвигаясь к искомой цели, и на какой-то ступени продвижения обнаруживает, что в его опыт вошли какие-то сигналы, источник которых в нём самом не идентифицируется. Это, стало быть, сигналы извне, но самое важное — определить, что здесь означает «извне».

Специфика духовных практик в том, что в них человек организует себя как представитель определённого способа бытия. «Извне» здесь имеет смысл онтологический — это нечто внешнее, внеположное по отношению к способу бытия человека.

В безумии, в аномальных психических состояниях человек тоже фиксирует вторжение на его территорию чего-то внеположного. Но уже не в онтологическом смысле — это внеположность лишь горизонту сознания. Не в сфере бытия, а в сфере сущего, как говорит философия.

Третий способ прикосновения к границе человеческого — виртуальный, когда человек в своей энергийной конфигурации также открыт, разомкнут, но таким образом, что его проявления не достроены, не актуализованы полностью. Таковы виртуальные антропологические практики.

Итак, можно нарисовать карту антропологической границы: на ней будет область Божественного, область безумия и область виртуальной, недоовещанной реальности. Возникающий облик человека, упрощённо говоря, состоит из трёх обликов: человека онтологического, человека бессознательного и человека виртуального. Для каждого из них требуется особый концептуальный арсенал. Нашей задачей было описать способы конституции человека. Здесь многое определило то, что у нас с самого начала было хотя бы одно оригинальное понятие. Мы

характеризовали человека через осуществляемое им *размыкание себя* и говорили, что человек конституируется в нём. Это уже собственный методологический угол зрения.

— **С каких пор вы отсчитываете существование дисциплины?**

— Термин возник отчасти с лёгкой руки Олега Игоревича Генисаретского. В начале 90-х он был заместителем директора Института человека и предложил мне параллельно с моей работой в Математическом институте организовать что-то у них. Он думал тогда — и был, оказалось, прав, — что тематика, мной открытая, заметно крупнее заданий для одного человека и надо бы организовать научный коллектив.

И когда мы с Олегом в принципе уже договорились, он меня спрашивает: «А как твоя лаборатория будет называться?» И я, словно по наитию, произнёс: «Наверно, лаборатория синергийной антропологии».

— **Сколько вас было и какие специальности были представлены?**

— Никогда много не было, и слава богу. В общем — от трёх до пяти человек. Институт вслед за лабораторией тоже устроен так, что включает в себя лишь минимум штатных сотрудников. Наша стратегия — скорее совместные проекты с разными инстанциями. Что касается специальностей, то, скажем, Олег Игоревич — философ; Евгений Семёнович Штейнер, с которым мы вели программу по дзен-буддизму, — востоковед; секретарь нашего института — кандидат политологических наук, что тоже полезно...

— **Чем же вы с коллегами занимаетесь?**

— В условиях нашего времени, увы, спектр работ не особенно широк. Но всё же разработки идут в разных направлениях. Ряд лет совместно мною и Е.С. Штейнером велась программа по дзен-буддизму.

Она имела принципиальное значение: чтобы от исследований исихазма перейти к общей теории духовных практик, необходимо доказать, что и другие практики допускают мою концептуализацию.

Но каждая из этих других, восточных, — целый особый мир, с опытом, не переводимым на европейский язык без больших утрат. Их реконструкция на базе синергийной антропологии требует дорогого взноса: надо войти в их литературу, дискурс, освоиться в их мире.

И всё же программа по дзен в целом осуществлена, пусть и не до такой глубины, как в случае исихазма. Сейчас я готовлю к печати большой сводный том по всем разделам синергийной антропологии — там мы опубликуем результаты программы.

Мы также тесно участвуем в программах, которые инициировал философ-антрополог С.А. Смирнов из Новосибирска: совместно издаём альманах «Человек.RU», проводим ежегодный семинар по синергийной антропологии в Новосибирске.

Кроме того, институт завязал партнёрство с Высшей школой экономики: совместно был учреждён Центр синергийной антропологии в качестве её подразделения и мы читаем там курсы. Моей целью здесь была связь с педагогической и студенческой средой, откуда могли бы рекрутироваться творческие силы.

Первый же лекционный курс был мной прочтён ещё лет десять назад в Психологическом институте, и назывался он «Психологические проблемы синергийной антропологии». Уклон этот неслучаен: психологическое сообщество в лице многих весомых специалистов с самого начала интересовалось моими разработками.

Проявлял дружеское участие Владимир Петрович Зинченко, вошедший в учёный совет нашего института; с середины 90-х у нас с ним происходили время от времени собеседования, весьма ценные для меня. И в первую очередь Фёдор Ефимович Василюк: он и сам размышлял о применениях моих идей в психологии, психотерапии, регулярно меня привлекал с лекциями, докладами. Именно его инициативой и был тот первый курс лекций.

В частности, у нас изначально возникала своя трактовка практик внимания. Это психологическая проблематика, но у нас она шла из духовных практик. Соответственно, в том курсе я разбираю три рода практик внимания: у Гуссерля, у Гурджиева и в исихазме. Конечно, это логика синергийной антропологии: никто, кроме нас, не вздумал бы объединить такую триаду.

Именно в этом направлении наша дисциплина видит свою задачу в комплексе гуманитарных наук. В ней могут создаваться подступы к новому единству гуманитарного знания.

— Как это может выглядеть?

— Один конкретный пример — антропологическая редакция истории. У нас возник плюралистический образ человека как ансамбля антропоформаций. Естественный вопрос: как этот образ человека связан с реальной историей? Ответ: в каждый период доминирует какая-либо одна из этих формаций. Так история получает из антропологии новое структурирование — она представляется как история человека, история смены антропоформаций.

Такой угол зрения возникает и в других современных антропологиях — у Фуко в теории «практик себя», у Делёза в его эксцентрической топологической антропологии. Отличие синергийной антропологии, однако, в том, что здесь мы приближаемся к полноте охвата, описываем все парадигмы конституции человека.

— Вы ещё в 2000 году говорили, что с человеком происходят «новые резкие процессы». В чём они состоят и с чем их можно связать?

— Анализ этих антропологических новаций, трендов антропологических перемен — наша постоянная тема.

Один из первых в ней результатов — текст по проблеме *постчеловека*, который я написал для спецвыпуска журнала «Философские науки», посвящённого синергийной антропологии. Как ясно по самому смыслу слова, именно с постчеловеком и связываются самые радикальные перемены.

О нём пишут много, но на поверку в этих писаниях пока нет ни философской, ни иной строгой основы: разговор ведётся не столько в науке, сколько в интернетных дискуссиях, в массмедиа и в форме

проектов разной степени утопичности, порою просто фантазий. При всём том тема важна, она отражает реальные процессы. Сухой остаток её можно описать так.

Покамест никакого постчеловека в наличии нет; но есть определённый круг тенденций развития, ведущих в направлении кардинальной трансформации человека в некое иное существо, иной вид, который условно именуют постчеловеком.

Выходы к постчеловеческому, лежащему за пределами доселе известной антропологической реальности, намечаются на чисто технологической основе и имеют два русла: компьютерные технологии и биотехнологии.

В первом случае, изучая эти тренды, можно выстраивать образ постчеловека компьютерного, во втором — биологического. В компьютерной области такие антропологические новации обычно именуется киборгами, а в области генной инженерии — мутантами.

Итак, есть два гипотетических образа: киборги и мутанты — и ведущие к ним стратегии. Сами образы пока сугубо описательные и утопические, но стратегии, которые к ним ведут, в своих начальных стадиях уже реальны. Я систематически рассмотрел, до каких рубежей эти тренды успели продвинуться. Во всяком случае, в области биотехнологий они уже имеют расчисленные вехи развития.

Ожидается, к примеру, что будет освоена так называемая биотехнология зародышевых путей, в итоге чего качественно возрастет объём генетического материала, доступного для технологий.

Пока специалисты могут оперировать лишь очень небольшими его островками, но где-то в районе 2020 года полный объём наследственной информации станет доступен генной инженерии. И практическое воплощение биологических мутантов, сколь угодно далёких не только от человека, но и от любых нынешних живых существ, окажется в пределах инженерной осуществимости.

В другом, компьютерном русле наиболее радикальный исход рисует известное движение трансгуманизма: здесь предельный успех прогресса мыслится как превращение человека, его сознания в компьютерную программу и загрузка этой программы в некую сверхмощную компьютерную систему.

Необходимо продумать, что это значит для антропологии и собственно для человека, каков должен быть его «ответ на вызов», если вернуться к началу нашей беседы.

Очевидно, что человек здесь отказывается от себя, обдуманно и методично осуществляет утрату своей видовой идентичности. Конечно, эти процессы можно называть постчеловеческими; но очевидно и то, что этот термин, по существу, эвфемизм: перед нами сценарии смерти человека.

Как следует относиться к таким сценариям? Фанаты технопрогресса, те же трансгуманисты предлагают видеть в них прекрасное будущее. У них хватает противников, которые находят такое будущее ужасным. Здесь спор сторон на уровне личных вкусов. Но синергичная антропология,

как я надеюсь, может представить в данном вопросе обоснованную позицию.

Прежде всего наша дескрипция парадигм конституции человека позволяет увидеть, что различные сценарии его самореализации вовсе не равноценны. Раскрытие, развёртывание себя в бытии — принципиально более богатая перспектива и более широкий диапазон самореализации, нежели все прочие.

С другой стороны, однако, наш же анализ смены антропоформаций признаёт, что отвечающая этому сценарию формация онтологического человека более не является доминирующей, меж тем как постчеловеческий тренд соответствует формации виртуального человека, которая и становится доминирующей сегодня.

На это надо сказать, что, если даже данный тренд доминирующий, это лишь общий, усреднённый тренд. Но усреднять человека — это и есть технарская, бесчеловечная методология. У каждого из нас личная биография есть наше личное приключение, исход которого может быть безмерно далёк от усреднённого тренда. Каждая биография — это личный выбор и личный риск.

Что же до синергичной антропологии, она помогает различить, когда человек находит выход в открытость бытия, а когда лишь виртуально имитирует такой выход или кружит по траекториям фрейд-лакановского желания, путается в делёзовских складках. И если она сможет таким путём войти в круг пособий, делающих человека и его выбор более зрячими, я сочту мой долг учёного выполненным.

Беседовала Ольга Балла

(1) Исихазм (от греческого *hesychia* — «спокойствие, тишина, уединение, отрешённость») — мистическая практика православных монахов (*исихастов*), в которой применяется безмолвная молитва ради созерцания Божественного света (Фаворского света, который исходил от Христа при преображении на горе Фавор).

Your browser is not supporting IFRAME